КЪ ДЕРЕВУ.

(изъ Горація, кн. 11 ода 13).

ille et nefasto te posuit die
uicumque prunum....

Въ день злополучный тебя насадили,
Ты взрощено святотатной рукой,
Внукамъ на пагубу, дерево скорби,
И въ посрамленье деревнѣ родной.

Кто посадилъ тебя въ землю когда-то,
Отцеубійцей навѣрное былъ,
Темною ночью онъ кровью пришельца
Свой отдаленный покой обагрилъ.

Вѣдалъ колхидскіе страшные яды,
Всякую зналъ онъ постыдную страсть,
Въ полѣ на то онъ тебя и поставилъ,
Чтобъ на владѣльца невиннаго пасть.

Смертный невзгоды стремится избѣгнуть,
Но безопаснымъ не будетъ всегда:
Страшенъ Босфоръ для пловца Карѳагена—
И не пугаетъ иная бѣда.

Римлянинъ стрѣлъ и парѳянскаго бѣга,
Парѳянинъ римскихъ темницъ и цѣпей—
Оба трепещутъ, а смерть безпощадно
Вѣчно губила и губитъ людей.

Близокъ я былъ къ сторонѣ Прозерпины.
Былъ ужь Эакъ у меня на глазахъ,
Мѣсто блаженныхъ, и грустная Саѳо
На эолійскихъ бряцала струнахъ.

Пѣсню о милыхъ ровестницахъ дѣвахъ;
Видѣлъ тебя, знаменитый Алкей:
Пѣлъ ты, на лирѣ изъ золота, горе
Битвъ и изгнанья и горе морей.

Пѣснямъ обоихъ, въ глубокомъ молчаньи.
Внемлютъ всѣ тѣни: о битвахъ земли,
Иль объ изгнаньи жестокихъ тирановъ
Ухомъ впиваютъ, сомкнувшись плечми.

Не мудрено, что отъ чаръ пѣснопѣнья
Звѣрь стоголовый смиренно лежитъ,
Уши развѣсивъ, что кротко играютъ
Множество змѣй въ волосахъ Эвменидъ;

Что Прометей и Пелопса родитель
Въ звукахъ находятъ забвенье трудамъ,
И Оріонъ не стремится за львами
И за пугливыми рысями тамъ.

Н. Кельшъ.